

ЛЕЯ ВЕТРОВА

РАЗВОД В 40

МОЙ БОСС —
ОТЕЦ ЕГО ЛЮБОВНИЦЫ

Лея Ветрова

Развод в 40. Мой босс — отец его любовницы

<https://litres.ru/74183209>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Ей сорок, Кир. Ни своей компании, ни дохода. Пошумит, поплачет и подпишет. Куда она денется?

Мой муж говорит это в номере для молодожёнов, пока его 25-летняя любовница поправляет платье. В номере, который спроектировала я.

В день рождения я узнаю: Денису мало развода. Он хочет отнять мой проект, компанию и убедить сына выбрать «нормальный дом», а не мамину гордость. Он уверен: я слишком зависима и удобна, чтобы начать всё сначала.

Но у него две проблемы. Первая — я всё слышала.

Вторая — владелец отеля и мой новый босс Алексей Орлов. Богатый, властный, опасно спокойный. И Денису он не верит.

Вот только Алексей — отец его любовницы.

Теперь нам придётся вместе закончить отель, пока муж рушит мою репутацию и настраивает против меня сына. И чем чаще Алексей встаёт на мою сторону, тем труднее помнить: после

предательства я не собиралась доверять мужчине. Тем более отцу женщины, которую застала в постели с мужем.

Однотомник. ХЭ. Измену не прощаем.

Содержание

Глава 1. Комната для молодожёнов	5
Глава 2. Куда я денусь	21
Глава 3. Отец любовницы	42
Глава 4. Нормальный дом	72
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Лея Ветрова

Развод в 40. Мой босс — отец его любовницы

Глава 1. Комната для молодожёнов

В день, когда мне исполняется сорок, муж забывает меня поздравить.

Я замечаю это не сразу. Просыпаюсь в половине седьмого от скрипа дверцы шкафа и несколько секунд лежу, глядя, как Денис перебирает рубашки. В спальне ещё темно. Его белые рукава вспыхивают в щели между дверцами и исчезают, будто он подаёт мне сигналы.

— Серую не видела? — спрашивает он.

Голос у него немного хриплый после сна. Обычный голос обычного утра.

— В химчистке. Надень голубую.

— Голубая меня полнит.

Я приподнимаюсь на локте. Денису сорок четыре, он бегает три раза в неделю и влезает в пиджак, купленный ещё до пандемии. Но спорить с человеком, который считает, что его полнит рубашка, бесполезно.

— Тогда белую.

— Белая слишком официальная.

— Денис, надень ту, которая ближе лежит.

Он недовольно хмыкает, но достаёт голубую. Я снова опускаю голову на подушку и только тогда вижу телефон на тумбочке. На экране — 7 апреля.

Сорок.

Я жду, пока Денис застегнёт рубашку, выберет часы и дважды проверит погоду. Он спрашивает, поеду ли я сегодня в отель. Напоминает про образцы камня для стойки регистрации. Просит передать Павлу, что Орлов может приехать раньше назначенного срока и рабочих в курилке быть не должно.

Про день рождения не говорит ничего.

Наверное, ещё не проснулся.

Я встаю и иду в ванную. В зеркале над раковиной лицо выглядит так же, как вчера: чуть припухшие веки, след от подушки на щеке, седой волос у правого виска. Он появился месяца три назад, и я пока не решила, выдёргивать его или сделать вид, что он мне нравится.

Сорок лет не наступают в одну секунду. Не щёлкает переключатель, не опускаются плечи, не исчезает подбородок. Просто однажды муж забывает поздравить тебя, а ты стоишь перед зеркалом с зубной щёткой во рту и прикидываешь, успеешь ли забрать шторы до обеда.

Когда я выхожу на кухню, Илья сидит перед тарелкой с хлопьями и смотрит что-то в телефоне. На голове у него на-

ушники, поэтому я дважды касаюсь его плеча, прежде чем он поднимает глаза.

— Ма! — Он стягивает наушники и едва не опрокидывает стакан. — С днём рождения.

Илья вскакивает так резко, что стул отлетает к стене. От него пахнет шоколадными хлопьями и шампунем. Сын уже выше меня на полголовы, но обнимает по-прежнему неловко, прижав локти к бокам, словно боится занять слишком много места.

— Спасибо, — говорю я, целуя его в щёку.

— Я не забыл. Просто подарок вечером отдам.

Он произносит это громко и смотрит поверх моего плеча. Я тоже оборачиваюсь.

Денис стоит в дверях, придерживая одной рукой незастёгнутый пиджак. На несколько секунд его лицо становится пустым. Потом он хлопает себя ладонью по карману, будто поздравление лежало там вместе с ключами и он только сейчас его нащупал.

— Вер, чёрт. Я совсем зашился.

Он подходит, обнимает меня за плечи и касается губами виска. Не щеки и не губ. Волос.

— С днём рождения. С юбилеем.

— Спасибо.

— Я помнил, честное слово. Вчера до двух ночи переписывался с подрядчиками, всё из головы вылетело. Сегодня отметим. Закажем столик, позовём маму.

— Только не маму, — одновременно просим мы с Ильёй. Сын смеётся. Денис тоже улыбается, но уже смотрит на часы.

— Ладно, без мамы. Втроём посидим. Или перенесём на субботу, чтобы нормально, без спешки. Ты же всё равно сегодня на объекте до вечера.

Последнее звучит почти как оправдание. Моё.

— Я постараюсь закончить пораньше.

— Вот и договорились.

Он берёт со стола кружку, делает глоток моего кофе и морщится: остыл. Ставит обратно, не извинившись.

— Документы на комодке подпиши, хорошо? Там дополнительное соглашение по отелю и акты. Мне к пятнице всё закрыть надо.

— Сначала прочитаю.

— Читай, конечно. — Денис застёгивает пиджак. — Только не неделю, как в прошлый раз. Там стандартная бумага.

Он хлопает Илью по плечу, бросает мне ещё одно «с праздником» и уходит. Через несколько секунд в прихожей срабатывает электронный замок.

Илья смотрит на дверь, потом переводит взгляд на меня.

— Он реально забыл?

— Закрутился.

— В сорок лет говорят «закрутился», чтобы не говорить «облажался»?

— В любом возрасте так говорят.

Я забираю у него пустую тарелку. Илья не двигается с места.

— Мам, тебе обидно?

Мне хочется ответить, что нет. Нормальная взрослая женщина не должна расстраиваться из-за забытой даты, тем более муж сразу вспомнил, предложил ресторан и вообще сейчас у всех сложный период. До открытия отеля меньше трёх месяцев. Денис договаривается с инвесторами. Я целыми днями пропадаю на объекте. Илья заканчивает девятый класс.

Веских причин у нас столько, что ими можно набить чемодан и уехать в отдельную жизнь.

— Немного, — признаюсь я.

Сын кивает, залезает рукой в рюкзак и достаёт плоский прямоугольный свёрток.

— Тогда держи сейчас. Я хотел вечером, но вечером он притащит цветы, и будет выглядеть так, будто мы вместе выбирали.

Под серой бумагой оказывается блокнот с твёрдой чёрной обложкой. Внутри плотные листы в мелкую клетку — именно такие я люблю. На первой странице Илья нарисовал кривой гостиничный фасад и подписал: «Проекты В. Мироновой».

Миронова — моя девичья фамилия. Я не пользовалась ею восемнадцать лет.

— Зачем Мироновой? — спрашиваю я.

— Лавровых и так двое. А ты одна.

Он пожимает плечами и надевает наушники, явно считая, что ничего особенного не сказал.

Я закрываю блокнот и ещё немного держу его на ладонях.

Отель стоит в старой части города, между деловым центром из синего стекла и четырёхэтажным домом с лепниной, которую уже третий год обещают отреставрировать. Когда мы впервые увидели здание, здесь были мебельный склад, мыши и запах мокрой штукатурки. Денис обошёл первый этаж, постучал носком ботинка по вздувшемуся паркету и сказал, что проще снести всё к чёрту.

Я попросила дать мне две недели.

Через две недели показала ему проект: семьдесят восемь номеров, ресторан во внутреннем дворе, стеклянная крыша над старой кирпичной кладкой и лестница, которую все хотели демонтировать. Теперь эта лестница выгибается над холлом, как широкая светлая лента, и Денис называет её главным решением проекта.

Обычно не уточняет, чьим.

У служебного входа курят двое рабочих. Увидев меня, один прячет сигарету за спину.

— Павел вас убьёт, — предупреждаю я.

— А вы?

— А я скажу Павлу.

Они смеются и торопливо отходят за угол. Внутри гудит шлифовальная машина, пахнет древесной пылью и лаком. Я надеваю каску, отмечаюсь у охраны и почти сразу слышу хлопок.

С потолка падает золотое конфетти.

Немного. Основная часть застряла между трубами и свисает оттуда блестящими кишками.

— Я же говорил, рано дёрнул, — произносит Павел откуда-то из-за стойки регистрации.

— А я говорила, эту штуку нельзя направлять вверх, — отвечает бухгалтер Лена.

Они выходят ко мне с маленьким тортом. Свечи на нём образуют число сорок, причём четвёрка уже накренилась и плавит крем.

— Быстрее задувайте, Вера Алексеевна, — просит Павел. — У нас тут и без пожара сроки горят.

Я смеюсь. От их простенького торта, от застрявшего под потолком конфетти и от Лены, которая снимает всё на телефон, в носу неожиданно начинает щипать.

— Спасибо. Правда.

— Желание, — напоминает Павел.

Я закрываю глаза. В голову лезут только рабочие мысли: чтобы камень для стойки наконец совпал по оттенку; чтобы в южном крыле перестали течь окна; чтобы Орлов одобрил увеличение сметы и Денис хоть одну неделю прожил без таб-

леток от давления.

Для себя я ничего придумать не успеваю. Свеча оплывает, и я задуваю обе.

Павел раздаёт торт пластиковым ножом. Мы едим прямо у стойки, между банками с краской и рулонами защитной плёнки. Потом Лена уносит остатки в бытовку, а я открываю новый блокнот.

На первом совещании выясняется, что латунные вставки для лифтов задержали на таможне, бра в номерах привезли с креплениями не того размера, а подрядчик по вентиляции снова требует пересмотреть смету. Я записываю, звоню, ругаюсь, прикладываю к стене образцы краски. К одиннадцати у меня болит горло, а на левом рукаве появляется белая полоса от штукатурки.

Денис приезжает около двенадцати.

Я вижу его через стеклянную перегородку: он идёт по холлу рядом с Кирой Орловой. Кира держит перед собой планшет и что-то быстро говорит. Денис наклоняется к ней, чтобы расслышать сквозь шум, хотя она могла бы просто говорить громче.

Я знакома с Кирой около полугода. Она руководит рекламной кампанией отеля со стороны компании отца и умеет входить на стройку так, словно пыль обязана оседать перед ней заранее. Сегодня на ней светлые брюки, короткий голубой жакет и белые кроссовки, которые останутся белыми не дольше пяти минут. Тёмные волосы собраны в высо-

кий хвост. Губы покрашены спокойной розовой помадой — как раз достаточно, чтобы казаться ненакрашенными на фотграфиях.

Увидев меня, Кира улыбается.

— Вера Алексеевна, поздравляю! Денис Сергеевич только в машине сказал, что у вас день рождения.

— Спасибо.

Она обнимает меня. Мы едва касаемся друг друга плечами, но я успеваю почувствовать её духи — сладкие, с горьковатым запахом апельсиновой кожуры.

— Юбилей? — спрашивает Кира, отступая.

— Сорок.

— Не может быть. — Она оглядывает меня с быстрым, профессиональным вниманием. — Я бы больше тридцати пяти не дала.

— Вера хорошо сохранилась, — говорит Денис.

Он произносит это шутливо. Павел рядом кашляет и отворачивается к стене.

Сохраняют солёные огурцы, старые письма и щеки на технику. Я, видимо, тоже неплохо пролежала свои сорок лет в прохладном месте.

— Стараюсь не попадать под прямые солнечные лучи, — отвечаю я.

Кира смеётся. Денис смотрит на меня чуть дольше обычного, будто проверяет, не обиделась ли. Затем проводит пальцами по воротнику. На голубой ткани остаётся белый

след.

— У тебя здесь, — Кира подходит и стряхивает пыль с его плеча.

Движение получается лёгким и привычным. Денис не отстраняется. Только поворачивает голову к Павлу:

— Орлов когда будет?

— В пятницу. Сказал, после обеда.

— Номер для молодожёнов должен быть готов завтра, — вмешивается Кира. — Я договорилась с фотографом. Нам нужны материалы для сайта.

— Завтра он готов не будет, — говорю я. — Не повесили зеркало, нет текстиля, свет над ванной подключён временно.

— На фотографиях можно взять нужные ракурсы.

— Можно. А потом ваш отец увидит торчащий провод и спросит, почему мы фотографируем недоделанный номер вместо того, чтобы его закончить.

Улыбка Киры становится уже.

— Папа не рассматривает провода на рекламных фотографиях.

— Потому что я не разрешаю их фотографировать.

Павел снова кашляет. На этот раз подозрительно похоже на смех.

Денис кладёт ладонь мне между лопаток.

— Девочки, не начинайте. Кира, съёмку перенеси на два дня. Вер, ты к послезавтрашнему закончишь?

— Если зеркало привезут сегодня.

— Значит, привезут.

Он улыбается мне той улыбкой, из-за которой восемнадцать лет назад я согласилась сначала выпить с ним кофе, потом пожить вместе, а потом почему-то решила, что рядом с этим человеком мне никогда не будет страшно.

Денис умеет выглядеть так, словно любое его обещание уже выполнено. Наверное, поэтому у него хорошо получается искать инвесторов.

— Документы подписала? — спрашивает он.

— Они дома. Я не успела прочитать.

Ладонь на моей спине на секунду тяжелеет.

— Вер, там тридцать страниц стандартного текста. Просто передача исключительных прав в рамках служебного проекта.

— Если всё стандартно, подождёт до вечера.

— Мне сегодня юристам отправить надо.

— Пришли электронную версию. Посмотрю после обхода.

Кира опускает глаза к планшету, но я вижу, как уголок её рта едва заметно дёргается.

— Хорошо, — говорит Денис. — После обхода так после обхода.

Он убирает руку. На тёмной ладони остаётся белая пыль с моей блузки. Денис незаметно вытирает пальцы о брюки.

К четырём часам зеркало наконец привозят. Оно оказывается на три сантиметра шире ниши.

Я десять минут слушаю, как замерщик винит плиточника, плиточник — чертежи, а водитель вообще не понимает, почему его не отпускают. Потом нахожу в почте утверждённый файл, показываю всем размер и звоню в мастерскую.

Новое зеркало обещают к утру.

Павел уходит проверять разгрузку мебели, а я поднимаюсь на шестой этаж. В коридоре тихо: рабочие заканчивают в другом крыле, лифт ещё не запущен, поэтому сюда редко кто забирается без необходимости.

Мне как раз необходимо.

Нужно проверить бра, сфотографировать нишу и решить, можно ли перенести съёмку на утро пятницы. Заодно Денис прислал документы. Письмо пришло без темы, только с коротким: «Подпиши сегодня».

Я открываю файл на телефоне, пока иду по коридору. Первые страницы действительно выглядят стандартно: стороны, предмет соглашения, определения. Дальше текст становится мельче и плотнее. Исключительное право на дизайн-проект, чертежи, эскизы, визуализации и все производные материалы передаётся компании без ограничения срока и территории.

Компании Дениса.

Формально я работаю там главным дизайнером, поэтому ничего необычного в соглашении нет. Почти. Только проект отеля появился раньше, чем моя должность. Первые эскизы я сделала дома, ночами, ещё до договора с Орловым. Денис тогда говорил, что мы строим наше общее дело и делить авторство смешно.

Теперь почему-то не смешно.

Я дохожу до номера для молодожёнов и замечаю, что дверь прикрыта неплотно. Изнутри льётся тёплый свет.

Наверное, электрик всё-таки подключил бра.

Я толкаю дверь, но останавливаюсь, услышав голос Киры.
— Ты обещал сказать ей сегодня.

Она говорит негромко. Без своей рабочей бодрости, чуть капризно и устало.

Я отпускаю ручку. Между прихожей и спальней есть ещё одна дверь — широкая, раздвижная. Сейчас она открыта не до конца. Из моего места виден край кровати, золотистая штора и мужская туфля на ковре.

Туфля Дениса.

— У неё день рождения, — отвечает он. — Я не собираюсь устраивать истерику в такой день.

— Как благородно.

— Кира, перестань.

Раздаётся шорох. Скрипит матрас, хотя при приёме он не скрипел.

Я сама выбирала эту кровать. Проверяла высоту изголовья, расстояние до розеток, ткань, которой обиты боковины. Просила заменить ножки, потому что первые выглядели дешёво. Всё в комнате знакомо мне до сантиметра.

Кроме голой щиколотки Киры, появившейся у края кровати.

— Я не хочу ещё полгода встречаться по гостиницам, — говорит она. — Ты обещал, что разведёшься до открытия.

Денис вздыхает.

— И разведусь.

— Когда?

— Когда Вера подпишет соглашение и мы закроем проект. Если я сейчас выложу ей всё, она из принципа упрётся. Ты же видела её сегодня.

— Видела. Особенно то, как ты держал её за спину.

— Я восемнадцать лет её за спину держу. Это привычка.

Кира что-то отвечает, но первые слова заглушает низкий гул вентиляции. Потом я слышу отчётливо:

— А если она не подпишет?

Денис смеётся.

Не громко. Так он смеётся, когда Илья спрашивает, что будет, если не поступит в хороший вуз, или когда я в четвёртый раз напоминаю про отпуск. Смех человека, которому задали смешной вопрос.

— Подпишет. Куда она денется?

Пальцы сами сильнее сжимают телефон. Острый край

чехла впивается в ладонь.

— Ей сегодня сорок, Кир. У неё нет ни своей компании, ни отдельного дохода, ни даже квартиры, которая не была бы куплена в браке. Пошумит, поплачет. Потом успокоится. Вера умеет быть разумной.

В комнате тихо звякает стекло. Кто-то поставил бокал на прикроватную тумбу — ту самую, которую утром покрыли вторым слоем лака.

— И сын останется с тобой? — спрашивает Кира.

— Илья сам выберет нормальный дом, а не мамину гордость. Не забивай голову.

Горло сводит так, будто я проглотила сухую таблетку. Я пытаюсь вдохнуть глубже и чувствую запах диффузора — зелёный чай и бергамот. Выбирала его из одиннадцати вариантов, потому что сладкие ароматы в маленьких помещениях быстро становятся тошнотворными.

Сейчас тошнит и от этого.

Я жду, что во мне что-нибудь оборвётся. Так всегда говорят: земля уходит из-под ног, сердце разбивается, привычная жизнь рушится в одну секунду.

Ничего не рушится.

Коридор остаётся на месте. На стене возле плинтуса торчит кусочек малярной ленты. Экран телефона гаснет. За дверью мой муж целует другую женщину — я слышу короткий влажный звук, затем её смешок.

Всё не рушится. Наоборот, становится очень точным.

Восемнадцать лет.

Моя работа.

Мой день рождения.

Мужская туфля на ковре, который я заставила перестилать из-за несовпадения рисунка.

Я открываю на телефоне документ, нахожу строку для подписи и захожу в спальню.

Кира дёргает край платья вниз. Денис сидит на кровати в расстёгнутой рубашке. На его шее, чуть выше ворота, размазана спокойная розовая помада.

Они смотрят на меня одинаково. Не виновато — испуганно. Как люди, которых застали не за предательством, а за чем-то неловким и временным.

Я поднимаю телефон.

— Ты прав, — говорю Денису. — Мне сорок. Самое время узнать, куда я денусь.

Глава 2. Куда я денусь

Несколько секунд никто не двигается.

Кира держит пальцами край платья. Денис сидит на кровати, расставив ноги, и смотрит на меня снизу вверх. На его лице успевают смениться испуг, растерянность и злость. Последняя остаётся.

— Вера, — произносит он.

Только имя. Без «прости», без «я всё объясню». Даже не пытается застегнуть рубашку.

— Я помешала? — спрашиваю я.

Голос звучит нормально. Немного тише обычного, но не дрожит. Хороший голос для рабочего совещания, на котором подрядчик только что признался, что привёз не тот камень.

— Не начинай, — говорит Денис.

Кира наконец отпускает платье и тянется за белым кроссовком, лежащим рядом с туфлей Дениса. Второй кроссовок валяется возле окна. Из прихожей его закрывала штора.

Наверное, это важно. Сейчас мне вообще важны вещи, которые можно точно установить.

Два кроссовка Киры.

Одна туфля Дениса.

Пять пуговиц на его рубашке расстёгнуты.

На прикроватной тумбе два бокала.

— Денис, мне лучше уйти, — негромко говорит Кира. Он кивает и только после этого начинает застёгиваться.

— Нет, — останавливаю я её. — Останься.

Кира выпрямляется. Кроссовок повисает на двух пальцах.

— Зачем?

— Вы же вместе решали, когда мне сообщить. Значит, и разговор выдержите вместе.

— Вер, мы поговорим дома, — вмешивается Денис. Он застёгивает пуговицу не в ту петлю, замечает и раздражённо дёргает рубашку. — Не здесь.

Я оглядываюсь. Свет над кроватью тёплый, мягкий, ровно такой, каким должен быть в номере для молодожёнов. На стене за изголовьем медные пластины отражают три искажённые фигуры: мою у двери и две возле кровати.

— А по-моему, место идеальное.

— Хватит язвить.

— Я ещё не начинала.

Денис встаёт и подбирает с пола пиджак. Кира натягивает один кроссовок, балансируя на другой ноге. Её голая ступня оставляет на ковре светлую вмятину.

— Вера Алексеевна, я не хотела, чтобы вы узнали вот так.

— А как ты хотела?

Она открывает рот, но не отвечает.

— Цветы, ресторан, папка с документами? — помогаю я.

— Денис поздравляет меня с сорокалетием, я передаю ему права на проект, а потом вы вдвоём сообщаете, что у вас

любовь?

— Не надо говорить с ней в таком тоне, — резко произносит Денис.

Я перевожу взгляд на него.

— В каком?

— Ты прекрасно понимаешь.

— Нет. Объясни. Мне сегодня многое приходится узнавать.

Он натягивает пиджак поверх неправильно застёгнутой рубашки и подходит ближе. Между нами остаётся меньше метра. Денис привык сокращать расстояние во время спора: кладёт руку на плечо, говорит тише, вынуждает смотреть ему в лицо. Раньше я считала это попыткой помириться.

Он тянется ко мне и сейчас.

Я отступаю.

Рука Дениса повисает в воздухе, затем опускается.

— Давай без сцены. Мы с тобой взрослые люди.

— А Кира?

У неё дёргаются брови.

— Мне двадцать пять.

— Значит, тоже взрослая. Отлично. Сколько это продолжается?

Денис поджимает губы.

— Какая разница?

— Пять месяцев, — отвечает Кира.

Он резко поворачивает к ней голову.

— Я не тебя спросила, — говорю я. — Но спасибо.

Пять месяцев назад мы с Денисом отмечали восемнадцатую годовщину. Ужинали дома, потому что он задержался на встрече и наш столик отдали другим. Я запекла мясо, открыла вино и уснула на диване, пока ждала. Утром Денис принёс мне кофе и сказал, что давно так хорошо не отдыхал.

Теперь я знаю, где он отдыхал до этого.

— Мы не собирались тебя обманывать, — произносит Кира.

— Пять месяцев — это тогда что?

— Всё не так просто.

— Для меня довольно просто. Ты спишь с моим мужем. Он пытается забрать мою работу. Осталось выяснить, что из этого случайность.

Кира смотрит на Дениса, ожидая помощи. Он проводит ладонью по лицу.

— Никто не забирает твою работу. Договор нужен компании. Это разные вещи.

— Конечно. А ты с Кирой тоже отдельно от компании?

— Не приплетай сюда бизнес.

Я смеюсь. Звук получается коротким и неприятным.

— Вы лежите в номере моего проекта и ждёте, когда я подпишу передачу прав. Бизнес уже здесь, Денис. Вон его пиджак на полу валялся.

Он смотрит на меня так, словно я нарочно делаю разговор некрасивым. Будто красивым он был минуту назад, когда я

стояла за дверью.

Кира натягивает второй кроссовок и берёт с кресла сумку.

— Я всё-таки уйду.

На этот раз я не удерживаю. Она проходит мимо, но возле двери останавливается.

— Ваш брак закончился не из-за меня.

Я поворачиваюсь к ней.

Кира стискивает ремешок сумки. В её лице появляется упрямство. Наверное, эту фразу она давно приготовила. Возможно, Денис сам ей её подарил.

— Он давно был несчастлив, — продолжает она. — Вы жили как соседи. Всё время работали, никуда вместе не ездили. Нельзя обвинять меня в том, что между вами произошло задолго до нашего знакомства.

— Ты жила с нами?

— Что?

— Спала в нашей спальне, завтракала с Ильёй, ждала Дениса по вечерам? Или знаешь о моём браке только то, что тебе рассказал мужчина, которому понадобилось залезть к тебе под платье?

Кира бледнеет.

— Вера, заткнись, — говорит Денис.

Слова падают между нами без повышения голоса. Буднично. Почти устало.

Я смотрю на него. На щеке видна тонкая складка от наволочки или от простыни. Всё-таки они успели полежать.

— Повтори.

— Я сказал: прекрати унижать человека, который тебе ничего не должен.

— А ты должен?

Он молчит.

Это первый честный ответ за весь разговор.

Кира выходит. Её шаги быстро удаляются по коридору, затем хлопает дверь на лестницу.

Я остаюсь с Денисом.

Он поправляет воротник, подходит к зеркалу и пытается стереть помаду влажным пальцем. Розовое пятно только размазывается шире.

— Не звони Орлову, — говорит он, разглядывая свою шею.

— Вот что тебя сейчас волнует?

— Меня волнует отель. В отличие от тебя, я умею отделять личное от работы.

— Я заметила.

— Алексей не знает. Кира собиралась сказать после открытия.

— Как удобно вы всё распределили.

— Если Орлов сейчас взбрыкнёт, финансирование встанет. Рабочим нечем будет платить, подрядчики разбегутся. Хочешь из мести похоронить два года своей же работы — пожалуйста. Только потом не рассказывай, что тебе дорог этот проект.

Он говорит уверенно и быстро. Всего несколько минут назад я застала его с другой женщиной, а теперь уже должна доказывать, что не собираюсь разрушать отель.

Денис всегда так умеет. Повернуть разговор на пол-оборота, и вот уже оправдываться приходится не ему.

— Документы я не подпишу.

— Сейчас ты на эмоциях.

— Нет. Сейчас я впервые их прочитала.

Он закатывает глаза.

— Забери файл, покажи своей Асе. Пусть объяснит, что это обычное соглашение. Только до завтра, хорошо? Не надо устраивать саботаж из-за того, что я переспал с другой женщиной.

Я смотрю на обручальное кольцо у него на руке. Денис даже не пытался его снять. Наверное, Киру оно не смущает. Или, наоборот, нравится.

— Пять месяцев — это не «переспал».

— Хорошо. Встречался. Какая тебе сейчас разница?

Мне действительно уже никакой.

Я разворачиваюсь и выхожу из номера.

— Вера! — кричит он вслед. — Вечером поговорим. И Илье пока ни слова!

Я не оборачиваюсь.

На пятом этаже я понимаю, что иду пешком, хотя могла вызвать строительный подъёмник. На четвёртом начинают дрожать колени. К третьему я держусь за перила обеими руками.

В пролёте между вторым и первым этажом меня догоняет сообщение.

«Не устраивай цирк. Вечером всё спокойно обсудим».

Через несколько секунд приходит второе:

«Илье пока ничего не говори».

Слово «пока» раздражает сильнее, чем приказ. Денис уже выбрал момент, когда расскажет сыну. Наверняка придумал правильные слова, в которых его пятимесячная связь превратится в закономерный итог нашего неудачного брака.

Я делаю снимки экрана и отправляю их Асе.

Потом пишу: «Можешь говорить?»

Телефон звонит почти сразу.

— Что случилось? — спрашивает она вместо приветствия.

На заднем плане кто-то громко спорит. Ася прикрывает микрофон и говорит: «Пять минут подождёте, без вас не начнут». Спор становится тише, хлопает дверь.

— Я на заседании, — сообщает она уже мне. — Но по твоим сообщениям подозреваю, что заседание теперь будет

и у нас.

— Я застала Дениса с другой.

Произношу и жду. Слова должны что-то изменить, но лестница остаётся лестницей, а телефон — телефоном.

— Где ты? — после короткой паузы спрашивает Ася.

— В отеле.

— Он рядом?

Я прислушиваюсь. Сверху доносится хлопок двери, затем быстрые шаги Киры. Других звуков нет.

— Нет.

— Ты за рулём?

— Пока нет.

— И не садись, если руки трясутся. Что ты видела?

— Достаточно.

— Вер, мне сейчас нужны не эмоции. Я их вечером послушаю и даже привезу вино. Они были раздеты? Есть фотография? Переписка? Он признал связь?

Я опускаюсь на ступеньку. Металлический край давит под коленями.

— Я слышала их разговор. Пять месяцев. Он обещал развестись после того, как я подпишу передачу прав на отель.

Шум на другом конце исчезает. Ася больше не листает бумаги.

— Ты что-нибудь подписала?

— Нет.

— Не подписывай. Вообще ничего. Даже получение буке-

та от курьера. Документы у тебя?

— Оригиналы дома. Электронная версия в почте.

— Перешли мне. Сейчас. И сделай копию на другой адрес, к которому у Дениса нет доступа.

Я выполняю, не вставая со ступеньки. Пальцы попадают не по тем буквам, и адрес приходится вводить дважды.

— Готово.

— Хорошо. Теперь слушай внимательно. Домой поедешь?

— Там Илья.

— Тогда поедешь. Сыну сегодня ничего не объясняй, пока сама не понимаешь, чего хочешь. Сфотографируй бумажные документы, выписки по счетам, договоры на квартиру и машину, всё, что найдёшь. Сохрани переписку с Денисом. Пароли поменяй.

— Ась, я ещё не сказала, что развожусь.

— Я тоже не сказала. Я говорю, что надо сделать до того, как твой муж поймёт: жена, которую он считал мебелью, умеет открывать банковское приложение.

Я закрываю глаза.

— Он не считал меня мебелью.

Ася молчит чуть дольше, чем нужно.

— Хорошо, — мягче произносит она. — Не считал. Всё равно сделай.

В трубке снова стучат. Мужской голос просит её вернуться в зал.

— Я позвоню после восьми, — говорит Ася. — Если за-

хочешь, заеду с вином. И, Вера...

— Что?

— С днём рождения.

Я прикусываю губу. Поздравление от подруги оказывается последним, чего мне не хватало, чтобы глаза наполнились водой.

— Спасибо.

— Поплачь сейчас, если хочется. Только не перед ним.

Она отключается.

Я сижу на ступеньке, пока мимо не проходят двое рабочих с бухтой кабеля. Они здороваются и старательно не смотрят мне в лицо.

Плакать уже не хочется.

У служебного выхода меня замечает Павел. Он стоит рядом с грузовиком и сверяет накладную.

— Вера Алексеевна, вы чего такая белая?

— Устала.

— Может, давление?

— Может.

Он отдаёт бумаги кладовщику и идёт ко мне. На рабочей куртке у него золотая полоска конфетти. Наверное, весь день носит и не замечает.

— Я вас отвезу.

— Не надо. Посижу в машине.

— Точно?

— Точно. Павел, в номер для молодожёнов сегодня нико-

го не пускай. И съёмку отмени.

— А что там?

Я смотрю на окна шестого этажа. За одним из них опускается штора.

— Проблема с эксплуатацией.

Павел хмурится, но не спрашивает. За это я ему благодарна.

В машине на пассажирском сиденье лежит новый блокнот. Я провожу пальцем по буквам «В. Миронова» и убираю его в бардачок. Потом меняю пароль от почты, от облачного хранилища и от банковского приложения.

На экране высвечивается очередное сообщение Дениса: «Я всё объясню».

Я жду продолжения.

Ничего не приходит.

Дома пахнет пиццей и лилиями.

Огромный букет стоит в ведре посреди кухни. Белые цветы ещё не раскрылись, но запах уже густой, влажный. На столе лежит карточка: «Любимой жене в день рождения».

Без подписи. Курьер, наверное, и так понял, кто у нас здесь любящий муж.

— Папа прислал, — говорит Илья. Он открывает духовку и заглядывает внутрь. — Я хотел поставить в вазу, но они не

влезли. У нас вообще есть ваза для такого количества?

— Нет.

— Я тоже так подумал. Ведро помыл.

Сын закрывает духовку и оборачивается ко мне.

— Ты чего так рано? И почему бледная?

Все сегодня интересуются цветом моего лица. Видимо, в сорок лет оно наконец начинает жить отдельно.

— Голова разболелась.

— У тебя день рождения, тебе нельзя.

— Передай это голове.

Илья подходит и прикладывает ладонь к моему лбу. Рука у него прохладная.

— Температуры нет. Пиццу будешь?

— Потом.

— Папа написал, что купит торт.

Я снимаю пальто и аккуратно вешаю его в шкаф. Если бросить на пуфик, как хочется, Илья поймёт, что случилось что-то серьёзнее головной боли. Я разуваюсь, убираю ботинки на полку и только после этого замечаю своё отражение в зеркале.

На правой щеке отпечаталась красная полоска от ремня сумки. Глаза сухие. Помада на месте.

Нормальная женщина, вернувшаяся с работы в день рождения.

— Илья, я немного полежу.

— А свечи?

— После папы.

Я захожу в спальню и закрываю дверь.

Документы лежат на комоде там же, где утром. Денис прижал их моими солнцезащитными очками, чтобы листы не загибались. Я убираю очки и по одному фотографирую все страницы. Потом нахожу в нижнем ящике свидетельство о браке, документы на квартиру и старую папку с договорами.

Квартира куплена двенадцать лет назад. Собственником указан Денис. Ниже — основание регистрации и дата, когда мы уже шесть лет были женаты.

Раньше эта строчка казалась технической.

Теперь я увеличиваю её на экране и отправляю Асе.

Следом фотографирую документы на машину, кредитный договор и выписки, которые Денис приносил перед налоговым вычетом. Большинство счетов компании мне недоступны. Я никогда не просила доступ. Денис занимался деньгами, я — проектами.

Удобно.

В коридоре хлопает входная дверь.

— Я дома! — громко сообщает Денис.

Я быстро складываю бумаги, но не прячу их в ящик. Оставляю на кровати.

Денис появляется в дверях спальни с коробкой торта. Помады на шее нет. Рубашка застёгнута правильно, волосы влажные у висков, будто он успел умыться. В другой руке пакет из ресторана.

— А вот и именинница, — говорит он.

Смотрит сначала на меня, потом на документы.

Улыбка не исчезает, только становится неподвижной.

— Я решил, дома будет уютнее. Илья, тащи тарелки! — кричит он в коридор.

— Может, не будем?

— Будем. У сына праздник тоже.

Он разворачивается и уносит торт на кухню, не дав мне ответить.

Через десять минут мы сидим за столом. Денис раскладывает еду по тарелкам и рассказывает Илье, что ресторан перепутал гарниры. Сын жалуется на учителя физики. Я жую кусок рыбы и не чувствую вкуса.

Лилии стоят между мной и мужем. Если немного наклонить голову, его лицо полностью исчезает за белыми бутонами.

— Мам, ты вообще не ешь, — замечает Илья.

— Голова болит.

— Я же говорил, — подтверждает сын, обращаясь к Денису.

— Переработала, — отвечает тот. — Мама у нас не умеет вовремя остановиться.

Под столом его колено касается моего. Я отодвигаю стул.

Денис продолжает рассказывать про ресторан.

После ужина Илья втыкает в торт свечи. Не цифры, а обычные тонкие — восемь штук, потому что больше не на-

шёл. Денис выключает свет и зажигает их одну за другой.

— Загадывай, — говорит сын.

Утром на объекте я не успела придумать желание. Сейчас знаю точно.

Хочу, чтобы Денис ушёл из моей кухни.

Я задуваю свечи.

— Всё? — спрашивает Илья. — Загадала?

— Да.

— Сбудется.

Денис смотрит на меня через дым. В его лице нет ни страха, ни раскаяния. Только предупреждение.

Илья забирает кусок торта и уходит к себе. Я жду, пока закроется дверь его комнаты.

— Не мог обойтись без представления? — спрашиваю я.

Денис собирает тарелки. Ставит одну на другую, относит к мойке и открывает воду.

— Какого представления? Я поздравил жену с днём рождения.

— После того как трахнул дочь своего инвестора в моём номере.

Тарелка выскальзывает из его рук и ударяется о край мойки. Не разбивается.

— Тише.

— Почему? Боишься, что сын узнает не по расписанию?

Он закрывает воду и вытирает руки полотенцем.

— Именно об этом я хотел поговорить. Илью не надо втя-

гивать.

— Ты уже втянул. Обсуждал с Кирой, где он будет жить.

— Мы обсуждали разные варианты.

— В постели?

Денис бросает полотенце на столешницу.

— Сколько можно повторять? Да, я поступил некрасиво.

Но устраивать из этого конец света глупо.

— Некрасиво — забыть поздравить жену. Всё остальное называется иначе.

— Называй как хочешь. Обычная мужская слабость. Такое происходит в половине семей, просто не все женщины роются в подробностях.

— Я не рылась. Вы легли на мою кровать.

— На кровать отеля.

— Которую выбрала я.

— Вот об этом я и говорю. Ты за последние два года способна думать только об отеле. Дома тебя нет, в постели ты либо спишь, либо листаешь чертежи. Я не железный.

Я слушаю его и вдруг вспоминаю, как три недели назад он лёг рядом, положил ладонь мне на бедро, а через минуту убрал. Я спросила, всё ли в порядке. Денис ответил, что устал.

Получается, это я должна была догадаться, что устал он именно от меня.

— Почему ты просто не сказал?

— Что сказать? «Вера, отложи работу, которую я сам про-

шу закончить в срок, и развлеки меня»?

— Что хочешь другую жизнь.

— Я не говорил, что хочу другую жизнь.

Он садится напротив. Между нами по-прежнему стоят лилии. Денис отодвигает ведро, и по столу расползается мокрый круг.

— Послушай меня спокойно. Я не собираюсь завтра подавать на развод и выгонять тебя из дома. У нас сын, общая жизнь, проект. Сейчас вообще не время всё ломать.

— А Кира думает, что ты разведёшься до открытия.

— С Кирой я разберусь сам.

— То есть ты соврал и ей?

— Я ничего окончательно не решил.

Он произносит это с раздражением, словно мы обе требуем от него слишком многого.

— Тогда что ты предлагаешь?

— Ничего не менять до открытия. Живём как жили, не устраиваем скандалов, Илье не говорим. Потом спокойно обсудим.

— А с Кирой ты продолжишь встречаться?

Денис откидывается на спинку стула.

— Не задавай вопросов, если не готова услышать ответ.

— Я уже слышала достаточно.

— Значит, понимаешь. Я не мальчик и не собираюсь отчитываться, где провожу время. Зато у тебя останется всё: дом, привычная жизнь, работа. Никто тебя не выгоняет. Многие

женщины на твоём месте были бы благодарны, что муж не бросает семью из-за первой же интрижки.

Я смотрю на него и пытаюсь найти человека, с которым прожила восемнадцать лет. Он должен быть где-то за этим спокойным лицом, за знакомой привычкой тереть большим пальцем край ногтя. Но передо мной сидит мужчина, который предлагает разрешить мне остаться в собственной жизни.

И ждёт благодарности.

— Ты хоть раз собирался попросить прощения?

Денис опускает глаза к столу.

— Прости. Если тебе нужно слово — пожалуйста. Мне жаль, что ты узнала так.

— Не что изменил. Что я узнала.

— Не цепляйся.

Я снимаю кольцо.

Оно не поддаётся сразу. Приходится покрутить, стянуть через сустав. На пальце остаётся светлая полоса и глубокая вмятина.

Кладу кольцо на мокрый стол. Оно падает набок, прокачивается несколько сантиметров и останавливается возле его руки.

— Я сама подам на развод.

Денис не касается кольца.

— На что ты будешь жить?

— Разберусь.

— На зарплату, которую получаешь в моей компании?

— Для начала — да.

Он усмехается.

— После сегодняшней истерики я бы не был так уверен, что ты там останешься.

Кожа под кольцом начинает чесаться. Я сжимаю пальцы в кулак.

— Уволишь меня за то, что я застала тебя с любовницей?

— Уволю за отказ передать компании служебный проект и срыв сроков. Если ты решишь воевать, формулировку найдут.

— Проект создан до моего трудового договора.

— Докажи.

Он говорит это без угрозы. Почти доброжелательно.

— Квартира куплена в браке, — напоминаю я.

— И находится в залоге по кредиту компании. Ты сама согласие у нотариуса подписывала. Машина оформлена на меня. На счетах деньги бизнеса, а не твои. Можешь спросить у Аси, как долго делят такое имущество и сколько стоят хорошие эксперты.

— Ты всё подготовил.

— Я ничего не готовил. Я просто знаю, как устроена наша жизнь. А ты никогда не интересовалась.

Это правда. Именно поэтому от неё становится особенно мерзко.

Денис наклоняется вперёд.

— Вер, не глупи. Тебе сорок лет, а не двадцать. Куда ты собралась? В съёмную однушку? Начинать карьеру заново? Объяснять всем, почему ушла из проекта перед открытием? Через месяц сама попросишься обратно, только отношения уже будут другими.

— Они уже другие.

— Пока нет. Пока я предлагаю решить всё нормально.

— Нормально для тебя.

— Для Ильи тоже.

Я встаю.

— Не прикрывайся сыном.

Денис тоже поднимается. Теперь между нами только стол и мокрый круг от ведра.

— Я не прикрываюсь. Я предупреждаю. Если ты устроишь развод, начнёшь таскать нас по судам и попытаешься настроить Илью против меня, он останется здесь. В своей комнате, рядом со школой, с отцом, который может его содержать.

— Решать будет не только отец.

— Конечно. Илья сам выберет.

Он наконец берёт кольцо со стола и зажимает между большим и указательным пальцами.

— Но забрать сына я тебе не позволю.

Глава 3. Отец любовницы

— Но забрать сына я тебе не позволю.

Денис держит моё кольцо двумя пальцами, будто оно испачкано. За его спиной белеют лилии. Один бутон раскрылся за ужином и теперь смотрит в мою сторону влажной сердцевинкой.

— Ты не можешь мне позволить или не позволить, — отвечаю я. — Илья не машина и не квартира.

— Вот именно. Поэтому думай не только о себе.

Он кладёт кольцо в карман брюк. Не на стол, не в ящик, где лежат чеки и запасные батарейки. Забирает себе.

— Отдай.

— Зачем? Ты же сняла.

— Это моё кольцо.

Денис усмехается и проводит ладонью по волосам. На кухне пахнет рыбой, остывшим воском и лилиями. Ещё утром мне казалось, что худшее, что может случиться в день рождения, — муж забудет купить цветы.

Оказывается, цветы он купил. Просто немного позже.

— Всё у нас теперь твоё, Вер? — спрашивает он. — Отель твой, квартира твоя, сын тоже твой?

— Кольцо точно моё. Ты подарил его мне восемнадцать лет назад.

— Хорошо.

Он достаёт кольцо и бросает на стол. Оно ударяется о дерево, подпрыгивает и падает в мокрый круг от ведра.

В коридоре скрипит половица.

Мы одновременно замолкаем.

Дверь Ильиной комнаты закрыта. Под ней лежит ровная полоска света. Я жду, что сын выйдет или хотя бы спросит, почему мы кричим. Ничего не происходит.

— Доволен? — спрашиваю я тише.

— Я не повышал голос.

— Конечно. Ты вообще ничего не сделал. Просто пять месяцев спал с другой женщиной, подготовил бумаги на мой проект и заранее решил, с кем останется наш сын.

Денис берёт со спинки стула пиджак.

— Сейчас с тобой бесполезно разговаривать.

— А завтра станет полезно?

— Завтра ты успокоишься.

Он идёт в прихожую. Я слышу, как открывается шкаф, звякают плечики.

— Ты куда?

— В гостиницу.

— В ту самую?

Денис возвращается в кухню уже в пальто. Галстук снят, верхняя пуговица рубашки расстёгнута. Если не знать, откуда он приехал и почему уезжает, можно подумать, что человек просто устал после длинного рабочего дня.

— На объекте сейчас никого нет, — говорит он. — Поси-

жу в кабинете. Нам обоим полезно переночевать отдельно.

— В кабинете или в номере для молодожёнов?

Его лицо дёргается.

— Продолжай в том же духе. Потом не удивляйся, что Илья не захочет жить с истеричной матерью.

Он произносит это достаточно громко, чтобы услышали в коридоре.

Я делаю шаг к нему.

— Ещё раз назовёшь меня истеричкой при сыне, и я прямо сейчас расскажу ему, что произошло.

Денис смотрит мне в глаза. Раньше во время ссор он первым отводил взгляд. Я считала это мягкостью. Теперь понимаю: просто раньше ему не приходилось защищать ничего важного.

— Попробуй, — говорит он. — Только хорошо подумай, кому Илья поверит.

Электронный замок коротко пищит. Дверь захлопывается.

Я остаюсь посреди кухни.

Кольцо лежит в воде. Внутри золотого ободка застряла крошка от торта.

Телефон вибрирует в кармане. На экране имя Аси.

— Ну? — спрашивает она. — Жива?

— Он сказал, что заберёт Илью.

Я не здороваюсь. Не спрашиваю, закончила ли она заседание. Сажусь на стул, который только что занимал Денис, и

прижимаю телефон к уху обеими руками.

Ася выдыхает. Где-то рядом с ней хлопает автомобильная дверь.

— Сказал или уже подал иск, собрал характеристику из школы и заключение опеки?

— Просто сказал.

— Тогда пока это не юридический факт, а мужское творчество. Илье сколько?

— Шестнадцать.

— Его мнение будут учитывать. Привычный уклад тоже. Ты не пьёшь, не бьёшь ребёнка, не состоишь на учёте и не собираешься увозить его в лес без электричества. Успокой дыхание.

— Я спокойно дышу.

— Ты говоришь по одному слову на выдохе.

Я кладу ладонь на грудь. Сердце бьётся быстро, но ровно, как стиральная машина на отжиме.

— Он уехал в отель.

— Отлично. Дверь закрой, документы убери и не вздумай сама уходить из квартиры.

— Почему?

— Потому что завтра он скажет, что ты бросила семью. Вер, я не утверждаю, что это сработает в суде. Я утверждаю, что не надо дарить ему красивые фразы для иска.

Я встаю и иду в прихожую. Замок закрыт, но я всё равно поворачиваю внутреннюю защёлку.

— Ася, квартира в залоге.

— Вижу. Ты прислала договор. Мне нужно спокойно прочитать приложения и выписку. Залог не означает, что ты выходишь из брака с зубной щёткой. И то, что собственником записан Денис, не отменяет даты покупки.

— Он говорит иначе.

— Денис много чего говорит. Это его профессия.

Я почти улыбаюсь. Почти, потому что в этот момент дверь Ильиной комнаты открывается.

Сын выходит в коридор с кружкой. Смотрит сначала на меня, потом на закрытую входную дверь.

— Папа ушёл?

— На работу.

Илья щурится.

— В десять вечера?

— Срочное дело.

— Вы поругались?

Ася замолкает в трубке. Я чувствую её молчание возле уха, как чужую ладонь.

— Немного.

— Из-за отеля?

Я смотрю на сына. На нём старая футболка Дениса, серая, растянутая у ворота. Года три назад муж отдал её Илье, потому что стала мала в плечах. Теперь футболка сидит на сыне почти вплотную.

— Да, — отвечаю я. — Из-за отеля.

Ложь выходит легко. Наверное, потому что наполовину правда.

Илья кивает и идёт на кухню. Через несколько секунд шумит вода.

— Завтра в восемь, в кафе возле моего офиса, — быстро говорит Ася. — Привези всё, что успела сфотографировать. И трудовой договор.

— Хорошо.

— В спальне одна будешь?

— Да.

— Закрой дверь.

— Он уехал.

— Всё равно закрой. Иногда замок нужен не от человека, а чтобы тело перестало ждать, что он войдёт.

После звонка я убираю документы в большую сумку для чертежей. Кольцо вытираю бумажным полотенцем и кладу в коробку из-под серёжек. Она плохо закрывается, крышка остаётся приподнятой на несколько миллиметров.

Можно найти другую.

Я не ищу.

Перед сном захожу к Илье. Он сидит за столом в наушниках и решает задачу по физике. На экране ноутбука движется зелёная схема, в тетради нарисованы стрелки.

— Не спишь? — спрашивает он, не оборачиваясь.

— Сейчас лягу.

— Папа вернётся?

— Не знаю.

Илья снимает один наушник.

— Мам.

— Что?

Он смотрит на меня несколько секунд, затем качает головой.

— Ничего. Спокойной ночи.

— Спокойной.

Я закрываю дверь спальни на замок.

Ася права. Дышать становится легче.

Утром Ася заказывает два кофе, бутылку воды и омлет, который остывает, пока она читает мои документы.

Кафе только открылось. Официант протирает соседние столики, кофемашина шипит так громко, что люди у окна повышают голоса. Я приехала на пятнадцать минут раньше, но Ася уже была здесь: с собранными в узел волосами, без макияжа и в тёмно-синем костюме, который надевает в суд.

Она перелистывает распечатанный договор на квартиру, отмечает что-то жёлтым карандашом и возвращается к первой странице.

— Когда ты это подписывала?

— Четыре года назад. У нотариуса.

— Читала?

— Первые две страницы.

— Почему не дальше?

— Денис сказал, что мы опаздываем. Нотариус тоже торопилась.

— Обожаю эту процессуальную норму, — сухо говорит Ася. — Если муж опаздывает, жена автоматически соглашается на всё.

Она отпивает кофе и морщится: без сахара. Ася всегда заказывает без сахара, а потом делает лицо человека, которого обманули.

— Это плохо? — спрашиваю я.

— Это сложно. Не одно и то же. Кредит брала компания, квартира обеспечивает обязательство. Нужно посмотреть движение денег, оценку, согласие банка, всё остальное. Но Денис не сможет завтра выставить тебя на лестницу только потому, что красиво произнёс слово «залог».

— Он может меня уволить.

— Может. Людей вообще можно уволить. Иногда даже законно.

— Спасибо, очень поддержала.

— Я не поддерживаю, я работаю. Поддерживать буду вечером с вином.

Она достаёт из моей папки трудовой договор.

— Главный дизайнер. Оклад у тебя такой уже сколько?

— Три года.

— Индексация была?

— Денис переводил деньги, когда нужно.

— Лично тебе?

— На продукты, на Илью, на дом.

— То есть семейные расходы он великодушно оплачивал из семейных денег.

Я провожу пальцем по крышке бутылки. Пластик хрустит.

— Ась, давай без этого.

— Без чего?

— Без лица, которое говорит: «Как ты могла быть такой дурой?» Я и сама его вижу в зеркале.

Ася откладывает договор.

— Я не считаю тебя дурой. Я считаю, что восемнадцать лет ты занималась тем, что у тебя получалось лучше: строила дома, отели и жизнь другим людям. Денис занимался тем, что лучше получалось у него: записывал результат на себя. Это неприятно, но не уникально.

— Значит, обычная женская слабость?

— Значит, обычный брак, в котором одному удобно больше, чем второму.

Она наконец придвигает ко мне тарелку.

— Ешь.

— Не хочу.

— Тогда ковыряй вилкой, чтобы официант не смотрел на нас с ненавистью.

Я отрезаю кусок омлета. Внутри тянется расплавленный сыр.

— Теперь проект, — говорит Ася. — Когда появились первые эскизы?

— Два года и четыре месяца назад. До договора с компанией.

— Где они?

— В облаке, на домашнем ноутбуке, часть распечатана. Я отправляла Денису презентацию с личной почты.

— Письмо сохранилось?

— Да.

— Перешли. Вместе с ответом.

Я нахожу старую цепочку. Тема письма: «Смотри, что можно сделать со складом». В приложении файл с первой визуализацией фасада. Денис ответил через шесть минут: «Красиво. Покажем Орлову».

Тогда два слова показались мне достаточными. Я даже перечитала их перед сном.

Сейчас отправляю переписку Асе.

— Отлично, — говорит она. — Уже не голые воспоминания. Кто презентовал проект инвестору?

— Мы вместе. В основном говорила я.

— Протокол встречи, запись, письма после неё?

— Надо поискать.

— Ищи. И выясни, что указано в договоре с Орловым. Ты там названа автором или руководителем проекта?

— Не знаю.

Ася поднимает брови.

— Не начинай, — предупреждаю я.

— Молчу.

Она молчит ровно три секунды.

— А сам Орлов знает, что его дочь спит с Денисом?

— Нет. Денис запретил ему говорить.

— Запретил?

— Сказал, что финансирование встанет и я из мести похороню проект.

Ася откидывается на спинку стула.

— Удобный у тебя муж. Сначала спит с дочерью инвестора, потом назначает тебя ответственной за инвестиционный климат.

Телефон на столе загорается. Пишет Павел.

«Вера Алексеевна, вы сегодня будете? Тут Кира Романовна опять фотографов привезла. Говорит, съёмка согласована».

Я перечитываю сообщение.

— Что? — спрашивает Ася.

— Они снова полезли в номер.

— Какие они?

— Кира привезла фотографов. Я вчера всё отменила.

Ася смотрит на часы.

— Тебе обязательно туда ехать?

— Да.

— Юридически или потому что ты сейчас представляешь, как она двигает твои кресла?

— Она точно двигает кресла.

Я уже застёгиваю сумку.

— Не подписывай ничего, — говорит Ася. — Не отдавай оригиналы. Не кричи. Если Денис объявит об увольнении, попроси приказ и основание. Разговор можешь записывать.

— А Орлов?

— Что Орлов?

— Мне самой ему сказать?

Ася несколько секунд смотрит на меня поверх чашки.

— Я адвокат по разводам, а не специалист по отцам взрослых любовниц. Но скрывать то, что прямо влияет на проект, ты не обязана. Только не используй это как угрозу Денису. Если решила сообщить, сообщай.

У выхода она догоняет меня и застёгивает верхнюю пуговицу пальто. Пальцы у неё быстрые и тёплые.

— Ты опять белая, — говорит она.

— На объекте уже привыкли.

— Вер, послушай. Сегодня ты не обязана выиграть развод, вернуть квартиру и доказать авторство за один рабочий день. Твоя задача — не отдать то, что ещё у тебя есть.

Я киваю.

В машине достаю из бардачка чёрный блокнот. На первой странице Илья нарисовал фасад и подписал мою девичью фамилию.

Открываю следующий разворот и пишу сверху: «Что у меня есть».

Через минуту под заголовком появляются три строки:
«Илья».
«Проект».
«Я».

Последнюю обвожу дважды.

Мой пропуск не срабатывает.

Я прикладываю карточку к считывателю второй раз. Красная лампочка мигает и гаснет.

Охранник за стойкой смотрит на монитор, потом на меня.
— Вера Алексеевна, секунду.

Он нажимает несколько клавиш. Краснеет сначала шея, затем уши.

— Тут доступ приостановлен.

— Кем?

— Я сейчас уточню.

— Не надо.

Через стеклянную дверь видно холл. По моей лестнице поднимается девушка с отражателем. За ней фотограф тащит штатив. Наверху, у перил, стоит Кира и показывает рукой в сторону шестого этажа.

Белые кроссовки она сменила на бежевые сапоги. Всё остальное почти как вчера: планшет, высокий хвост, спокойное лицо.

— Откройте, — прошу я.

Охранник отводит глаза.

В этот момент из бокового коридора выходит Павел. Видит меня за стеклом и останавливается.

— Вы чего там?

— Любуюсь объектом.

Павел нажимает кнопку на стене. Дверь отпирается.

— Денис Сергеевич утром звонил, — тихо говорит он, когда я прохожу. — Сказал, вас пока не пускать без него.

— Почему сразу не предупредили?

— Думал, он психанул. Потом Кира приехала, говорит, всё согласовано, вы заболели.

— Я удивительно быстро выздоровела.

Павел смотрит на сумку с документами у меня на плече.

— Что происходит, Вера Алексеевна?

Сверху Кира замечает нас. Её рука застывает в воздухе, но всего на секунду.

— Семейные сложности, — отвечаю я. — К работе отношения не имеют.

— Судя по пропуску, уже имеют.

— Поэтому я здесь.

Поднимаюсь по лестнице. Каждый раз, касаясь светлых перил, вспоминаю, как спорила за них с Денисом. Он хотел заменить старый металл стеклом. Говорил, что гостинице нужен современный вид. Я отдала образцы в мастерскую, очистила пять слоёв краски и показала ему первый восста-

новленный фрагмент.

Теперь Денис рассказывает инвесторам, что с самого начала видел потенциал исторических деталей.

Кира ждёт меня на площадке второго этажа.

— Доброе утро, Вера Алексеевна.

— Не уверена.

Фотограф и девушка с отражателем проходят мимо. Оба старательно заняты техникой.

— Денис сказал, вы взяли несколько дней, — продолжает Кира. — Решила не откладывать съёмку. У нас горят сроки по сайту.

— В номере не закончен свет.

— Снимем при дневном.

— Не закреплено зеркало.

— Возьмём другой ракурс.

— Кира, я запретила пускать туда людей.

Она прижимает планшет к груди.

— Вы сейчас говорите как руководитель проекта или как жена Дениса?

— А ты сейчас спрашиваешь как представитель инвестора или как любовница моего мужа?

Девушка с отражателем спотыкается на ступеньке. Фотограф берёт её под локоть и почти силой тащит дальше.

Кира бледнеет, но голос не повышает.

— Не надо устраивать это при посторонних.

— Вчера ты говорила то же самое в номере для молодо-

жёнов. Может, проблема не в посторонних?

Она подходит ближе. От неё снова пахнет апельсиновой кожурой. Теперь этот запах я узнаю где угодно.

— Я понимаю, что вы злитесь, — произносит Кира. — Но проект принадлежит компании Дениса. Рекламная кампания согласована с моим отцом. Вы не можете отменять работу только потому, что у нас личный конфликт.

— Могу отменить работу, если помещение небезопасно. А личный конфликт у тебя не со мной. Он у тебя с пониманием слова «чужое».

Кира стискивает планшет. Ногти у неё короткие, покрыты прозрачным лаком. Вчера я почему-то не заметила.

— Денис предупредил, что вы попытаетесь всё разрушить.

— Когда? До или после того, как обещал тебе развод?

— Он разведётся.

— Сегодня утром?

Она молчит.

— Вот и я о том же.

На первом этаже открывается входная дверь. Денис входит быстро, не снимая пальто. Наверное, охранник всё-таки позвонил.

Он поднимает голову и видит нас.

— Вера!

Голос разносится под стеклянной крышей. Несколько рабочих перестают шуметь перфораторами.

— В переговорную, — говорит Денис, поднявшись к нам.
— Немедленно.

— Сначала я остановлю съёмку.

— Ты больше не руководишь работами на объекте.

Он достаёт из внутреннего кармана сложенный лист.

— На время внутренней проверки твои полномочия приостановлены. Я хотел отдать приказ лично.

— Поэтому отключил пропуск?

— Поэтому попросил тебя взять несколько дней и не усугублять ситуацию.

— Ты меня не просил.

— Вчера ты была не в состоянии нормально воспринимать информацию.

Я включаю запись на телефоне. Держу его в руке экраном к себе.

— Какая причина проверки?

Денис замечает движение большого пальца.

— Убери телефон.

— Какая причина?

— Отказ передать компании документацию, отмена согласованной съёмки, распоряжения персоналу в обход руководства.

— Съёмка не была согласована из-за нарушений безопасности.

— Это решу я.

— Ты не разбираешься в креплении зеркал.

— Зато я генеральный директор.

Кира стоит между нами, чуть отступив к перилам. В её лице нет вчерашней растерянности. Видимо, за ночь Денис успел объяснить ей, что всё под контролем.

— Подпиши приказ, — говорит он. — Потом можешь ехать домой и отдыхать.

— Сначала отдай мне копию.

— Подпись подтверждает только ознакомление.

— Я знаю. Копию.

Денис складывает лист пополам.

— Хватит цирка.

— Доброе утро, — произносит за его спиной незнакомый мужской голос. — Я, кажется, приехал вовремя.

Денис оборачивается так резко, что край пальто задевает Киру.

На лестничной площадке стоит Алексей Орлов.

Мы виделись четыре раза. На первой презентации, двух совещаниях и ужине после подписания договора. Орлов никогда не приезжал без помощника, водителя и предупреждения хотя бы за сутки. Сегодня он один. Тёмное пальто растёгнуто, в руке кожаная папка. На висках больше седины, чем я помню, а взгляд тот же: спокойный и неприятно внимательный.

Он смотрит на Дениса, затем на меня, на лист в его руке и только после этого на дочь.

— Папа? — Кира первой приходит в себя. — Ты же со-

бирался после обеда.

— Освободилось утро.

Орлов переводит взгляд на фотографа, замершего этажом выше со штативом.

— Съёмка уже началась?

— Сейчас начнётся, — быстро отвечает Кира. — Мы немного перестроили график.

— Кто утвердил помещение?

— Денис Сергеевич.

— А Вера Алексеевна?

На несколько секунд становится тихо. Даже перфоратор внизу замолкает, словно рабочий решил дослушать.

— Вера временно отстранена от проекта, — говорит Денис. — Возникла внутренняя ситуация.

Орлов смотрит на меня.

— Вы отстранены?

— Мой пропуск отключили сегодня утром. Приказ мне пока не показали.

— Она отказывается подписать, — вмешивается Денис.

— Отказывается подписать без копии, — уточняю я.

Орлов медленно снимает перчатки. Складывает одну в другую и убирает в карман.

— Что за внутренняя ситуация?

— Семейная, — говорит Денис. — К сожалению, Вера принесла её на объект.

— Я ещё ничего сюда не приносила. Она уже была здесь.

Кира опускает глаза.

Денис делает шаг ко мне.

— Вер, не надо.

В его голосе впервые появляется просьба. Не раскаяние и не страх потерять меня. Страх потерять деньги Орлова.

Ещё вчера он объяснил, что я похороню проект, если расскажу. Утром отключил мой пропуск, чтобы сохранить проект. Теперь стоит между мной и человеком, который этот проект оплачивает.

У Дениса всё получается ради общего дела.

— Алексей, давай пройдем в переговорную, — говорит он. — Я объясню.

— Я уже спросил, — отвечает Орлов. — Вера Алексеевна?

Он не делает мне одолжение. Не улыбается, не подбадривает. Просто ждёт ответа.

Я смотрю на Киру. Потом на мужа.

— Вчера я застала Дениса с вашей дочерью в номере для молодожёнов.

Кира закрывает глаза.

Денис произносит моё имя, но я продолжаю:

— Их отношения длятся пять месяцев. Денис обещал развестись после того, как я передам его компании исключительные права на дизайн-проект отеля. Сегодня он отключил мой пропуск и подготовил приказ об отстранении.

Орлов не меняется в лице. Только сильнее сжимает папку,

и кожа тихо скрипит под пальцами.

— Это правда? — спрашивает он у Киры.

Она открывает глаза.

— Пап, мы не должны обсуждать такое здесь.

— Это правда?

— У нас с Денисом отношения.

— Пять месяцев?

Кира кивает.

Орлов переводит взгляд на Дениса.

— А соглашение о правах?

— Не имеет к этому отношения, — быстро отвечает тот.

— Мы готовили передачу несколько недель. Стандартное оформление интеллектуальной собственности внутри компании.

— Почему после отказа автора подписать соглашение вы закрыли ей доступ на объект, который финансирую я?

— Потому что она срывает работу. Алексей, ты видишь её состояние. Вчера устроила сцену, отменила съёмку, запретила персоналу входить в готовый номер.

— Номер не готов, — говорю я.

— Что именно не готово? — спрашивает Орлов.

— Зеркало над консолью закреплено на временные анкеры. Электрика над ванной подключена по временной схеме. После вчерашнего испытания матрас нужно заменить.

Денис поворачивает ко мне голову.

— Зачем матрас?

Я смотрю на него.

— Скрипит.

Павел кашляет в кулак. На этот раз точно скрывает смех.

Кира краснеет до линии волос.

Орлов на секунду прикрывает глаза. Когда снова открывает, в них нет ничего похожего на веселье.

— Съёмку отменить, — говорит он.

— Папа...

— Кира, отпусти людей и жди меня внизу.

— Я могу участвовать в разговоре.

— Не в этом.

— Мне двадцать пять лет.

— Тогда ты способна сама объяснить фотографу, почему его время оплатят полностью.

Кира прижимает планшет к боку. Несколько секунд кажется, что она будет спорить. Потом разворачивается и поднимается к съёмочной группе.

Денис проводит ладонью по воротнику.

— Алексей, я понимаю, как это выглядит.

— Хорошо. Значит, с объяснениями сэкономим время.

Орлов проходит мимо него к переговорной.

— Вера Алексеевна, Денис Сергеевич. Прошу.

Переговорную я проектировала последней.

Денег к тому моменту почти не осталось, поэтому вместо дубовых панелей на стенах обычная краска, а стол куплен с витрины со скидкой. На его краю есть царапина, которую я закрываю образцами плитки во время каждой встречи.

Сегодня образцов нет. Царапина видна между мной и Денисом.

Орлов садится во главе стола и кладёт перед собой папку. Денис устраивается справа, я остаюсь стоять.

— Сядьте, Вера Алексеевна, — говорит Орлов.

— Я недолго.

— Тем более.

Я сажусь напротив мужа и ставлю сумку на соседний стул.

— Начнём с простого, — продолжает Орлов. — Кто сейчас владеет правами на дизайн-проект?

— Компания, — сразу отвечает Денис.

— Я, — говорю одновременно с ним.

Орлов смотрит на нас.

— Уже сложнее. Документы?

Денис кладёт на стол приказ, который держал на лестнице.

— Не этот. Документы о правах.

— В основном договоре с Верой предусмотрена передача служебных произведений.

— Этот проект создан до моего трудового договора, — говорю я.

— Чем подтвердите?

Вопрос задаёт Орлов, но звучит он голосом Дениса. «До-

кажи».

Я достаю телефон и открываю старое письмо.

— Первую презентацию я отправила с личной почты второго декабря, за два месяца до трудоустройства. Вот файл и ответ Дениса.

Орлов протягивает руку. Я передаю телефон.

Он читает, увеличивает вложение, возвращается к дате.

— Это ничего не доказывает, — говорит Денис. — Эскиз мог быть сделан в интересах будущей компании. Мы уже обсуждали проект.

— Тогда покажи договор, по которому я обязалась его создать.

— Устные договорённости тоже существуют.

— Между супругами особенно удобно.

Орлов возвращает мне телефон.

— Первую презентацию инвесторам проводили вы? — спрашивает он.

— Мы вместе.

— Говорила в основном Вера, — отвечает Денис. — Она дизайнер. Я занимался финансовой моделью и переговорами.

— В приложении к нашему инвестиционному договору автор концепции указан?

Денис медлит.

Мне становится холодно. Я не видела это приложение. Знала, что оно есть, просила прислать окончательную вер-

сию, но Денис сказал, что там только технические правки.

Орлов открывает папку и достаёт несколько листов.

— Пункт четыре, — говорит он. — «Автор архитектурно-дизайнерской концепции и руководитель реализации — Вера Алексеевна Лаврова».

Я смотрю на мужа.

— Ты говорил, в приложении только технические правки.

— Это и есть техническая формулировка, — отвечает Денис.

— Нет, — возражает Орлов. — Это было моё условие. На первой встрече Вера Алексеевна единственная смогла объяснить, зачем сохранять лестницу, когда все остальные предлагали её снести. Я хотел видеть в договоре имя человека, чью концепцию покупаю.

Он переворачивает лист и подвигает его к Денису.

— Приложение подписано вашей компанией.

Денис наклоняется к столу.

— Алексей, при всём уважении, это внутренний вопрос. Вера состоит в штате, получает зарплату и два года работает за счёт ресурсов компании.

— А я два года финансирую проект, который мне представили как авторский проект Веры Лавровой. Поэтому вопрос уже не только внутренний.

В переговорной гудит вентиляция. От нового стола пахнет лаком.

— Что ты предлагаешь? — спрашивает Денис.

— До юридической проверки не подписывать передачу прав, не менять руководителя проекта и не ограничивать Веру Алексеевну доступ на объект.

— Она моя сотрудница.

— А объект мой.

Денис откидывается на спинку стула. Костяшки пальцев у него белые.

— Ты принимаешь решение на основании семейной ссоры.

— Я принимаю решение на основании риска потерять права на концепцию за два месяца до открытия.

— Меньше трёх, — автоматически поправляю я.

Оба мужчины смотрят на меня.

— Два месяца и двадцать три дня, — уточняю я. — Если подрядчик по вентиляции снова не перенесёт сдачу.

Орлов кивает.

— Вот поэтому руководителем остаётся Вера Алексеевна.

Денис встаёт.

— Понятно.

— Сядь, — говорит Орлов.

Он произносит негромко. Денис всё равно садится.

Я впервые вижу, как муж подчиняется другому мужчине не из вежливости и не ради сделки. Просто потому, что тот может позволить себе не повторять.

— Теперь личная часть, — продолжает Орлов. — Она меня не касается до тех пор, пока не влияет на сроки, докумен-

ты и людей на объекте. С сегодняшнего дня Кира не участвует в рекламной кампании отеля. Я назначу другого сотрудника.

— Это лишнее, — говорит Денис.

— Не вам решать.

— У неё с Верой конфликт. Но свою работу Кира выполняет.

— Сегодня она привела съёмочную группу в помещение, которое руководитель проекта признал безопасным. Этого достаточно.

Денис переводит взгляд на меня. В нём обещание, которое он не может произнести при Орлове.

Дома поговорим.

Только дома я с ним больше разговаривать не собираюсь.

Орлов закрывает папку.

— Приказ об отстранении отменить. Пропуск восстановить в течение часа. Документы по трудовым отношениям и правам на проект пришлите моему юристу до конца дня.

— Ты закончил? — спрашивает Денис.

— Пока да.

Муж поднимается. У двери он останавливается возле меня.

— Ты понятия не имеешь, что сейчас сделала, — говорит он тихо.

— Впервые за два дня имею.

— Не приходи сегодня домой.

Орлов поднимает глаза.

— Денис Сергеевич.

— Это тоже касается моего объекта?

— Нет. Но дверь вы закрыли не с той стороны.

Денис усмехается и выходит.

Я слышу его шаги в коридоре. Быстрые, тяжёлые. Потом голос Киры внизу, короткий ответ и хлопок входной двери.

В переговорной остаёмся мы с Орловым.

Он не торопится говорить. Убирает листы в папку, выравнивает края. На левой руке у него нет кольца. Я замечаю это и злюсь на себя.

— Спасибо, — произношу я.

— Не за что.

— Есть за что. Без вас он бы меня сегодня не пустил.

— Я не помогал вам в разводе. Я защищал свои вложения.

— Я понимаю.

— Хорошо.

Орлов застёгивает папку.

— Мне жаль, что вы узнали об этом в моём отеле.

— Пока это не ваш отель.

— Значит, характер у вас остался.

— А должен был исчезнуть за ночь?

— Денис, судя по всему, рассчитывал.

Он встаёт и подходит к окну. Отсюда видно внутренний двор: голые клёны, штабеля плитки, рабочий в оранжевом жилете катит тележку с мешками.

— Кира совершила подлость, — говорит Орлов, не оборачиваясь. — Я не стану извиняться за неё. Ей двадцать пять, и отвечать она будет сама.

— Мне не нужны её извинения.

— А мои?

— Вы не спали с моим мужем.

Орлов поворачивает голову. На секунду кажется, что он улыбнётся. Не улыбается.

— Это существенно упрощает разговор.

Я беру сумку.

— Мне нужно проверить номер и вернуть людей к работе.

— Вера Алексеевна.

— Да?

— Денис попытается вас уволить.

— Уже пытался.

— Сегодня не считается. Сегодня он действовал сгоряча.

В следующий раз бумаги будут подготовлены лучше.

Это звучит не как предположение. Орлов слишком давно работает с Денисом, чтобы ошибаться.

— Знаю.

— Нет, — спокойно говорит он. — Вы только начинаете узнавать мужа. Это неприятный процесс. Обычно дорогой.

Он достаёт из папки визитку и кладёт на стол.

На белом картоне только имя, два номера и адрес электронной почты. Без должности, логотипа и названия компании.

— Отправляйте документы напрямую мне, — говорит Орлов. — Не через Дениса и не через Киру.

— Хорошо.

— И ещё одно. Если Лавров уберёт вас из проекта, я уберу из проекта Лаврова.

Я смотрю на визитку.

Вчера у меня были муж, дом, работа и уверенность, что всё это никуда не денется.

Сегодня муж грозит оставить меня без первых трёх.

А отец его любовницы предлагает отнять у него четвёртое.

Глава 4. Нормальный дом

Визитка остаётся на столе.

Я беру её только после того, как Орлов выходит из переговорной. Картон плотный, матовый. Имя напечатано без отчества: «Алексей Орлов». Ниже два номера. Один, судя по коду, московский. Второй городской.

На обратной стороне ничего нет.

У Дениса на визитках перечислены должность, сайт компании, три телефона и слоган, который он менял полгода. У Орлова нет даже названия компании.

Видимо, он уверен, что его имя работает лучше логотипа.

Телефон в моей руке загорается.

«Не приходи домой. Я серьёзно».

Следом ещё одно сообщение:

«Илье сказал, что ты задержишься на объекте».

Денис не спрашивает, где я буду ночевать. Главное, уже объяснил сыну моё отсутствие.

Я делаю снимки экрана и отправляю Асе. Потом набираю ответ, стираю, снова набираю.

В итоге пишу только:

«Я вернусь домой после работы».

Сообщение прочитано почти сразу.

Ответа нет.

В коридоре слышны шаги. Я убираю визитку в карман

блочнота и застёгиваю сумку.

Орлов появляется в дверях без пальто. Рукава белой рубашки не закатаны, но пиджак он оставил где-то внизу. В руках строительная каска.

— Покажете номер? — спрашивает он.

— Зачем?

— Хочу увидеть зеркало, из-за которого сорвалась рекламная кампания и едва не развалился чужой брак.

— Брак развалился не из-за зеркала.

— Я догадываюсь.

Он протягивает мне каску.

— Павел сказал, на шестом этаже без неё нельзя.

— Павел обычно говорит это людям, которых не хочет пускать на шестой этаж.

— Тогда у него не получилось.

Орлов ждёт в дверях. Не торопит, но и уходить явно не собирается.

Я надеваю каску, достаю из сумки планшет и иду к лестнице.

На первом этаже снова работают перфораторы. Фотографов нет. Кира тоже исчезла. Возле стойки регистрации Павел разговаривает с электриком и одновременно показывает кому-то по телефону повреждённый кабель. Увидев нас, он убирает аппарат от уха.

— Вера Алексеевна, пропуск через двадцать минут включат. Мне уже звонили.

— Быстро.

— Видимо, приказ сверху.

Он смотрит на Орлова. Тот делает вид, что не замечает.

— Матрас заказал, — продолжает Павел. — Такой же модели не будет до следующей недели. Можно взять жёстче.

— Берите жёстче, — говорит Орлов.

— Мы с Верой Алексеевной выбирали средней жёсткости.

— Тогда средний.

Павел переводит взгляд на меня.

— Я уточню у поставщика, — говорю я.

Он кивает и снова прикладывает телефон к уху.

Орлов ждёт, пока мы отойдём.

— Почему он спросил вас, если отель финансирую я?

— Потому что спать на матрасе будете не вы.

— Не самый очевидный ответ после сегодняшнего утра.

Я смотрю на него.

— Вы всегда так шутите?

— Нет. Обычно рядом есть люди, которым за это платят.

Он говорит серьёзно. Только уголок рта на секунду становится мягче.

Мы поднимаемся на шестой этаж. В коридоре пахнет свежей краской и нагретой проводкой. Возле лифта стоят две коробки с бра. На одной маркером написано «НЕ ТРОГАТЬ», и, конечно, коробка открыта.

В номере для молодожёнов всё выглядит почти так же, как вчера. Кровать застелили. Бокалы убрали. Один стул сдви-

нут к окну, золотистая штора наполовину задёрнута.

Я останавливаюсь на пороге.

Тело помнит быстрее головы. Запах диффузора, скрип матраса, розовая помада над воротником. Ладони становятся холодными, хотя в комнате душно.

Орлов проходит внутрь и оборачивается.

— Вы можете не заходить.

— Могу.

Я всё равно захожу.

Сначала распахиваю штору. Потом снимаю с кровати покрывало и складываю его на кресло. Подхожу к консоли и двумя пальцами нажимаю на раму зеркала. Она отходит от стены.

— Вот, — говорю я. — Временное крепление. Если кто-то заденет нижний край, зеркало упадёт вперёд.

Орлов пробует сам. Рама качается.

— Почему не заменили?

— Подрядчик привёз анкера для пустотелого кирпича. Здесь старый полнотелый. Павел отправил за другими.

— Денис знал?

— Я отправила ему отчёт.

— Он читает ваши отчёты?

— Когда нужно найти причину, почему виновата я.

Фраза вырывается раньше, чем я успеваю решить, стоит ли говорить такое инвестору. Орлов отпускает зеркало.

— Значит, читает внимательно.

Я прохожу в ванную. Свет над зеркалом горит, но провод у потолка всё ещё выведен наружу и закрыт серой клеммной коробкой.

— Сюда тоже нельзя пускать людей. Временное подключение.

— Понял.

— Правда?

— Вера Алексеевна, мне не обязательно уметь крепить зеркало, чтобы поверить человеку, который знает, как его крепить.

Я поворачиваюсь к нему.

Денис за два дня спросил, как я докажу авторство, назвал истеричкой и объяснил, что я не разбираюсь в собственной жизни. Орлову хватает двух минут, чтобы признать: в работе я понимаю больше него.

Странно, что от обычной фразы сжимается горло.

— Вы поэтому оставили меня на проекте?

— Я оставил вас, потому что без вас отель не откроется вовремя.

— Очень лестно.

— Это должно было прозвучать лестно?

— Нет. Именно поэтому прозвучало.

Орлов смотрит на меня несколько секунд, потом выходит из ванной.

— Мой юрист подготовит дополнительное соглашение, — говорит он. — До конца проекта все решения по дизайну и

комплектации согласовываете напрямую со мной. Денис не сможет менять руководителя или принимать вашу документацию без моего письменного согласия.

— Он не подпишет.

— Подпишет.

— Вы уверены?

— Нет. Но если не подпишет, лишится очередного транша.

Орлов подходит к окну. С высоты шестого этажа машины внизу выглядят чистыми и аккуратными, даже грузовик с мешками цемента.

— Это шантаж, — говорю я.

— Условие финансирования.

— Денис назвал бы так же.

— Денис и я вообще используем много одинаковых слов. Разница обычно в приложениях к договору.

Он достаёт телефон и кому-то звонит.

— Марина, соедините с Глебом. Да, сейчас.

Пока ждёт, Орлов рассматривает медные пластины над кроватью. В одной отражается его фигура: вытянутая, тёмная, разделённая швом пополам.

— Глеб, к вечеру нужен проект трёхстороннего соглашения по отелю. Авторский надзор, прямое согласование, защита руководителя проекта от односторонней замены. Да. С Верой Алексеевной Лавровой.

Я сжимаю планшет.

— Подождите.

Орлов прикрывает микрофон ладонью.

— Что?

— В документах я Лаврова. Но автором концепции хочу быть указана как Миронова.

Он смотрит на меня без удивления.

— Девичья фамилия?

— Да.

— Юридически потребуется связать обе. Не проблема.

Он возвращается к звонку.

— Глеб, добавьте профессиональное имя: Вера Миронова. Формулировку согласуйте с ней. И отдельный гонорар за авторский надзор.

— Мне уже платит компания Дениса, — говорю я.

Орлов снова закрывает микрофон.

— Плохо платит.

— Откуда вы знаете?

— Видел фонд оплаты труда в смете.

— Вы всё видите?

— То, за что плачу.

Он заканчивает разговор и убирает телефон.

— Соглашение сначала получите вы. Прочитаете со своим юристом. После этого отправят Денису.

— Он решит, что я попросила вас.

— Вы попросили?

— Нет.

— Значит, это будет ещё одна его ошибка.

Телефон в кармане вибрирует. Пишет Илья.

«Мам, ты правда сегодня не придёшь?»

Я отвечаю сразу:

«Приду. Буду к семи».

Три точки появляются, исчезают, появляются снова.

«Папа сказал, тебе лучше пожить отдельно».

Орлов ждёт, пока я уберу телефон.

— Всё в порядке?

— Муж выселяет меня из квартиры, купленной в браке.

Я произношу это как рабочий факт. Привезли не тот камень. Задержали светильники. Муж выселяет жену.

— Вам есть куда поехать?

— Домой.

— Я спросил не это.

— А я ответила именно это.

Орлов кивает.

— Хорошо.

Он не предлагает гостиницу, квартиру или водителя. Не говорит, что разберётся. Просто принимает мой ответ.

Впервые за два дня никто не пытается решить за меня, где я буду жить.

В семь пятнадцать мой ключ не открывает дверь.

Электронный замок подаёт длинный низкий сигнал. Я прикладываю метку второй раз. Красная лампочка мигает.

Утром пропуск на работу. Вечером ключ от дома.

У Дениса плохая фантазия, зато хорошая память на удачные приёмы.

Я нажимаю звонок.

За дверью тихо. Потом слышны быстрые шаги и голос мужа:

— Не открывай.

Шаги останавливаются.

— Пап, там мама, — отвечает Илья.

— Я сказал, не открывай.

Я достаю телефон и включаю запись.

— Денис, открой дверь.

— Вера, я предупреждал.

— Ты отключил мой ключ?

— Нам нужно пожить отдельно.

— Тогда можешь пожить отдельно. Открой.

На площадке появляется соседка с третьего этажа. Она несёт пакет с мусором и замедляет шаг возле лифта.

— Добрый вечер, Нина Петровна.

— Добрый, Верочка. Ключ забыли?

— Муж решил, что да.

Она переводит взгляд на дверь, потом на мой телефон. Лифт приезжает, но соседка ещё несколько секунд стоит на месте.

— Если что, у меня чайник горячий, — говорит она и уезжает вниз вместе с мусором.

За дверью щёлкает замок.

Илья открывает, не глядя на отца.

— Я не собираюсь держать маму в подъезде.

На нём школьные брюки и домашняя футболка. Рюкзак лежит прямо на полу. Значит, пришёл недавно и даже не успел переодеться нормально.

— Спасибо, — говорю я.

Денис стоит в конце коридора. На нём домашние штаны и чёрная рубашка, рукава закатаны. Видимо, подготовился к спокойному семейному вечеру без жены.

Возле шкафа стоят два чемодана.

Мои.

Один закрыт, из второго торчит рукав бежевого пальто. Сверху Денис положил косметичку и пакет с обувью.

Я снимаю туфли и ставлю на полку.

— Что это? — спрашивает Илья, заметив мой взгляд.

— Мама решила пожить отдельно, — отвечает Денис.

— Я ничего не решала.

Сын смотрит на него.

— Ты же сказал, вы договорились.

— Мы договорились не устраивать скандал при тебе.

— Ты договорился сам с собой, — говорю я.

Денис подходит к чемоданам и ставит косметичку внутрь.

— Я просил тебя сегодня не приходить.

— А я просила не впутывать Илью.

— Я ему ничего не говорил. Сказал, что нам нужно время.

— И собрал мои вещи, чтобы он увидел, как я уйду.

— Мам, что происходит? — спрашивает Илья.

Вопрос звучит не испуганно. Зло.

Я смотрю на сына. Денис тоже смотрит. Мы оба ждём, кто первым превратит его в свидетеля.

— У нас с папой серьёзные проблемы, — говорю я.

— Это я уже понял.

— Вера, не надо, — предупреждает Денис.

— Ты сменил код на двери и выставил мои вещи при сыне.

Поздно изображать заботу о его психике.

— Из-за чего проблемы? — Илья не отступает. — Из-за отца?

— В том числе.

— А ещё?

Денис кладёт ладонь ему на плечо.

— Мы с мамой давно перестали понимать друг друга. Она сейчас очень устала, поэтому принимает решения, о которых потом может пожалеть.

Илья сбрасывает его руку.

— Я не тебя спросил.

Муж медленно опускает ладонь.

— У Дениса другая женщина, — говорю я.

Слова не падают и не звенят. Просто остаются в прихожей между чемоданами и школьным рюкзаком.

Илья смотрит на меня, затем на отца.

— В смысле другая?

— В прямом.

— Вер, хватит.

— Пять месяцев, Денис. Это не подробность, которую я придумала от усталости.

Илья отступает к стене.

— Пять месяцев?

— У нас с мамой давно всё было сложно, — начинает Денис. — Ты сам видел, что она постоянно на работе. Мы почти не общались.

— Поэтому ты нашёл другую?

— Всё не так просто.

— Обычно так и говорят, когда не хотят ответить «да», — произношу я.

Денис резко поворачивается ко мне.

— Довольна? Рассказала? Теперь тебе легче?

— Пап, кто она?

Он молчит.

Илья смотрит на меня.

— Я не хочу говорить за него.

— Уже сказала всё остальное, — бросает Денис. — Договаривай.

В кармане его рубашки звонит телефон.

Звук короткий, привычный. На экране, который он достаёт, вспыхивает имя.

«Кира».

Денис быстро сбрасывает вызов, но Илья успевает увидеть.

— Кира? — спрашивает он.

Муж убирает телефон.

— Это по работе.

— Кира Орлова?

Никто не отвечает.

Лицо сына меняется. Сначала недоверие, потом понимание, потом что-то совсем детское, от чего он становится похож на себя десятилетнего.

— Та, которая ведёт рекламу отеля?

— Да, — отвечаю я.

Сын коротко смеётся.

— У нас отношения. Да. Но это не значит, что я перестал быть твоим отцом или что мы с мамой должны уничтожать друг друга.

— Ей вообще сколько?

— Двадцать пять, — отвечает Денис.

— Она старше меня на девять лет.

Илья смотрит на меня.

— Спасибо. Стало намного лучше.

Он поднимает рюкзак.

— Ты куда? — одновременно спрашиваем мы с Денисом.

— В комнату.

— Давай спокойно поговорим, — говорит муж.

— Вы уже поговорили.

— Илья, я хотел сам тебе объяснить.

— Когда? После открытия отеля?

Денис бледнеет.

Сын замечает.

— Серьёзно? Вы ещё и это обсудили?

— Ничего мы не обсуждали.

— Ты говорил Кире, что Илья останется с тобой, — на-
поминаю я.

— Зачем ты это делаешь? — Денис повышает голос. —
Хочешь, чтобы он меня возненавидел?

— Я хочу, чтобы ты перестал использовать его как угрозу.

— Вы оба можете заткнуться? — кричит Илья.

Мы замолкаем.

Сын стоит между нами, сжимая лямку рюкзака. Глаза бле-
стят, но он не плачет. Злится на них за то, что могут.

— Я вам не квартира, — говорит он. — И не отель. Не
надо меня делить.

— Мы не делим, — начинает Денис.

— Ты вчера спросил, хочу ли я остаться дома, если мама
уедет.

Я поворачиваюсь к мужу.

— Что?

— Я просто хотел понять, как он относится к возможным
переменам.

— Ты сказал, мама сама выбрала уйти, — продолжает

Илья. — Сказал, что у неё теперь другие планы и ей будет не до меня.

Денис открывает рот.

— Это было до того, как она рассказала тебе свою версию.

— Версию? — спрашиваю я. — У тебя есть версия, в которой ты не спал с Кирой?

— Есть версия, в которой ты решила развалить всё за сутки и втянуть в это сына.

Илья разворачивается и уходит к себе. Дверь хлопает так сильно, что в шкафу звенят плечики.

Мы остаёмся в прихожей вдвоём.

Денис смотрит на чемоданы.

— Уходи.

— Нет.

— После этого ты ещё собираешься здесь жить?

— Это мой дом.

— Собственник я.

— Квартира куплена в браке. Ася объяснит подробнее, если забыл.

— Твоя Ася может объяснять что угодно. Я не буду жить с женщиной, которая настраивает против меня сына и бежит жаловаться Орлову.

— Тогда снимай квартиру.

Он подходит почти вплотную. Пахнет его гелем для душа. Утром этот запах был на моей подушке. Теперь кажется чужим.

— Ты решила, что Орлов тебя спасёт? — спрашивает Денис тихо. — Думаешь, он выгнал Киру из проекта ради твоих красивых глаз?

— Нет. Ради денег.

— Правильно. Для него ты такая же строка в смете. Только пока полезная.

— Даже строка в его смете получает больше уважения, чем твоя жена.

Денис отступает.

Попала.

Не потому, что ему стыдно. Потому что я сравнила его с Орловым не в его пользу.

— Живи, — говорит он. — Посмотрим, надолго ли тебя хватит.

Он подхватывает мои чемоданы и тащит их в гостевую комнату. Колёса грохочут по порогу.

— В спальню я тебя не пущу.

— Не рвусь.

— И машину завтра оставишь. Она оформлена на меня.

— Обсуди с Асей.

— Всё теперь будешь обсуждать через неё?

— Всё, что касается денег, квартиры и сына.

— А что останется для нас?

Я смотрю на него.

Вопрос вырывается случайно. На секунду передо мной снова не мужчина из гостиничного номера, а Денис, кото-

рый восемнадцать лет спрашивал, купить ли хлеб, забрать ли Илью с тренировки, посмотреть ли вечером кино.

Потом вспоминаю, как он бросил моё кольцо в воду.
— Развод, — отвечаю я.

В гостевой комнате нет штор.

Я собиралась заказать их после открытия отеля, но всё время откладывала. Денис говорил, что гостям и так нормально: окна выходят во двор, напротив только офисное здание, вечером там никого нет.

Теперь в тёмном стекле отражаются кровать, два чемодана и я в рабочей одежде.

Нормально.

На часах одиннадцать. В спальне Денис разговаривает по телефону. Стены в квартире толстые, слов не разобрать, но голос доносится ровный, успокаивающий.

Наверное, Кира наконец получила объяснение, почему папа выгнал её с проекта, а мужчина, ради которого она решила испортить отношения с отцом, не приехал.

Я достаю вещи из чемодана. Денис сложил их аккуратно. Блузки отдельно, бельё в пакет, косметика в косметичке. Даже зарядку для телефона не забыл.

Если бы собирал в спешке и бросал как попало, было бы легче.

Звонит Ася.

— Ты дома? — спрашивает она.

— Да.

— Внутри?

— И даже без взлома.

— Что было?

Я ставлю телефон на громкую связь и продолжаю раскладывать одежду. Рассказываю про отключённый ключ, чемоданы и разговор при Илье. Про Киру на экране. Про то, что сын ушёл к себе.

Ася не перебивает. Только один раз тяжело выдыхает.

— Запись сохранила?

— Да.

— Сделай копию. И напиши себе на почту, что произошло, с датой и временем. Спокойно, без оценок.

— «В девятнадцать пятнадцать супруг не предоставил доступ в совместно нажитую прихожую»?

— Отличная формулировка. Юридическая романтика тебе идёт.

Я складываю свитер в нижний ящик комода. Он не помещается, потому что там лежат старые коробки от техники.

— Илья всё узнал.

— Рано или поздно узнал бы.

— Я сказала при нём.

— Денис выставил твои чемоданы при нём.

— Это не делает мой поступок лучше.

Ася замолкает.

— Нет, — говорит наконец. — Не делает. Но сейчас уже бессмысленно выбирать идеальный способ рассказать. Поговори с сыном без Дениса. Не проси выбрать тебя. Не объясняй, какой отец плохой. Спроси, что ему нужно.

В дверь тихо стучат.

— Потом перезвоню.

Я отключаюсь.

На пороге стоит Илья. Он переоделся в спортивные штаны, волосы мокрые после душа.

— Можно?

— Конечно.

Он входит и смотрит на открытый чемодан.

— Ты уезжаешь?

— Нет.

— Тогда зачем вещи здесь?

— Папа перенёс.

— Он сказал, вы не будете спать вместе.

— В этом не соврал.

Илья садится на край кровати. Пружины жалобно скрипят.

— И эту тоже надо менять? — спрашивает он.

Несколько секунд я не понимаю. Потом смеюсь.

Тихо, чтобы Денис не услышал. Илья тоже улыбается, но сразу перестаёт.

— Мам, я не хочу знать подробности.

— Не узнаешь.

— И про Киру тоже. Не надо рассказывать, где ты их увидела и всё такое.

— Хорошо.

Он смотрит на свои босые ступни.

— Ты правда всё время была на работе?

— Последние два года — почти да.

— Папа говорил, что ты сама не хотела быть дома.

— Я хотела закончить отель. Он тоже хотел, чтобы я закончила.

— Но из-за этого у него появилась Кира?

— Нет.

Отвечаю быстро. Без паузы.

— Это его решение. Мы могли ссориться, жить как соседи, не разговаривать неделями. Он мог уйти. Мог сказать, что больше меня не любит. Но врать пять месяцев решил он.

Илья кивает, будто записывает ответ внутри себя.

— Ты его любишь?

Вопрос сложнее всех документов Аси.

Я смотрю на отражение в окне. Денис собрал мои вещи, отключил ключ и сказал сыну, что я сама ушла. Если после этого ответить «нет», будет легко и правильно.

— Не знаю, — говорю я. — Я очень долго его любила. За два дня это не выключается. Но жить с ним как раньше не буду.

Илья поджигает губы.

— Я не хочу выбирать.

— Не выбирай.

— Папа говорит, суд спросит.

— Если дойдёт до суда, твоё мнение могут спросить. Но никто не должен заставлять тебя решать сейчас.

— А где я буду жить?

— Где тебе будет нормально.

— Нормально уже не будет.

Он произносит это без обиды. Как факт из учебника, который взрослые почему-то пропустили.

Я сажусь рядом.

— Сразу — нет. Потом может стать.

— Ты уйдёшь из этой квартиры?

— Пока нет.

— А потом?

— Не знаю.

— У вас вообще есть ответы?

— У Аси. Но они все платные.

Илья фыркает.

Мы сидим молча. За стеной Денис перестаёт говорить по телефону. В коридоре слышны шаги, затем закрывается дверь спальни.

— Я останусь здесь, — говорит сын.

Грудь сжимается.

Денис именно этого и ждал. Нормальный дом, своя комната, школа рядом. Мама со своей гордостью может жить где

хочет.

— Хорошо, — отвечаю я.

Илья резко смотрит на меня.

— Ты не поняла. Я останусь в квартире. Не с папой. И не с тобой. Здесь. У меня экзамены, компьютер и до школы десять минут. Кто из вас тоже здесь останется, мне всё равно.

— Поняла.

— Правда?

— Правда.

Он встаёт.

У двери оборачивается.

— И не надо завтра делать вид, что всё нормально.

— Не буду.

— Папе скажи тоже.

— Сам скажи.

— Уже.

Илья уходит. Дверь оставляет приоткрытой.

Я ложусь поверх покрывала и смотрю на свет из коридора.

В гостевой нет замка.

Но сегодня он не нужен.

Утром Дениса нет.

На кухонном столе лежит записка: «Машину не бери». Рядом ключи. Он мог забрать их с собой, но оставил, чтобы я

увидела запрет.

Я фотографирую записку и отправляю Асе.

Илья завтракает хлопьями. Наушников нет, телефон лежит экраном вниз.

— Доброе утро, — говорю я.

— Не очень.

— Согласна.

Я наливаю воду в чайник. Лилии по-прежнему стоят в ведре. За ночь раскрылись ещё два бутона. Запах стал тяжёлым, сладким.

Беру ведро и выношу на балкон.

— Они замёрзнут, — замечает Илья.

— Знаю.

Телефон звонит. Незнакомый номер.

— Вера Алексеевна? — спрашивает мужчина. — Глеб Сафронов, юридическая служба господина Орлова. Я направил вам проект соглашения. Алексей Романович просил получить ваши замечания до одиннадцати.

Вот и отчество.

— Уже направили?

— Пять минут назад. Там два документа: изменения в инвестиционный договор и отдельное соглашение об авторском надзоре. Вознаграждение указано за оставшийся срок проекта.

— Денис видел?

— Пока нет. Сначала вы.

— Хорошо. Я посмотрю с адвокатом.

— Разумеется. Мой номер есть в письме.

Он отключается.

Илья доедает хлопья и относит тарелку в мойку.

— Орлов? — спрашивает он.

— Его юрист.

— Папа сказал, ты натравила на него Орлова.

— Я рассказала, что произошло. Орлов сам решил, как поступить со своим проектом.

— А с Кирой?

— Её убрали из рекламной кампании.

Илья открывает воду. Моет тарелку дольше, чем нужно.

— Она ему кто теперь?

— Всё ещё дочь.

— Даже после такого?

— Родство не отменяется за плохой поступок.

Он выключает воду и ставит тарелку в сушилку.

— А с папой тоже?

Я понимаю, что он спрашивает не о себе.

— Он навсегда останется твоим отцом. Что делать с этим дальше, решишь сам.

Илья кивает и уходит собираться в школу.

Я открываю письмо.

Соглашение занимает девять страниц. На первой указаны три стороны: компания Дениса, компания Орлова и я. Полное имя — Вера Алексеевна Лаврова. Ниже отдельной стро-

кой: «профессиональное имя — Вера Миронова».

Улыбка появляется сама.

Я звоню Асе по видеосвязи. Она отвечает из машины, телефон закреплён возле руля.

— Только не говори, что Денис ночью заложил ещё и холодильник.

— Пришло соглашение от Орлова.

— Пересылай.

— Уже.

Ася бросает взгляд куда-то вправо, паркуется и берёт телефон в руку.

— Девять страниц до кофе. Прекрасно. Дай мне час.

— Они ждут до одиннадцати.

— Пусть ждут. Орлов не обеднеет.

— Там отдельный гонорар.

— Насколько отдельный?

Я называю сумму.

Ася перестаёт листать.

— За два месяца?

— И двадцать два дня.

— Вер, на эти деньги можно полгода снимать квартиру и не выбирать между зубной щёткой и хорошим экспертом.

— Я ещё не согласилась.

— Поэтому я сначала прочитаю, а потом буду радоваться.

Она отключается.

Я открываю рабочую почту. Доступ есть. Пропуск тоже

должен работать. В календаре появилось приглашение на ежедневное совещание с Орловым в девять утра.

Ежедневное.

Два месяца и двадцать два дня.

Телефон снова звонит. На этот раз номер с визитки.

— Вера Алексеевна, — говорит Орлов. — Документы получили?

— Да.

— Вопросы?

— Пока один. Вы всегда назначаете совещания на девять без согласования?

— Нет. Иногда на восемь тридцать.

Я смотрю на чашку с недопитым чаем.

— Каждый день обязательно?

— Первую неделю. Потом решу, можно ли вам доверять.

— Вчера вы вроде уже решили.

— Вчера я решил, что доверяю вам больше, чем Денису. Планка была невысокой.

Сухая злость в его голосе направлена не на меня. Всё равно чувствуется.

— Кира как? — спрашиваю я.

В трубке короткая пауза.

— Вы действительно хотите знать?

— Нет.

— Тогда зачем спросили?

— Привычка быть вежливой.

— Оставьте её для подрядчиков. Со мной можно отвечать честно.

Я провожу пальцем по строке «Вера Миронова».

— Хорошо. Не хочу знать.

— Вот так быстрее.

— Алексей Романович, вы понимаете, что Денис воспримет соглашение как объявление войны?

— Он уже отключил вам пропуск и попытался забрать проект. Войну объявили без меня.

— Вы легко говорите. Это не ваша семья.

— Уже касается моей.

Он не уточняет, имеет в виду Киру или деньги. Наверное, и то и другое.

— Если я подпишу, кому буду подчиняться?

— По дизайну — никому. За результат и сроки отвечаете передо мной.

— То есть вы мой новый начальник?

— Вас это пугает?

Я смотрю в сторону коридора. Илья застёгивает куртку возле зеркала. На кухонном столе лежат ключи от машины, которую Денис запретил брать. На балконе мёрзнут лилии.

— Пока нет.

— Разумный ответ.

— А какой был бы неразумным?

— «Куда я денусь».

Пальцы сильнее сжимают телефон.

Орлов не мог слышать наш разговор в номере. Значит, Денис рассказал. Или Кира.

— Кто вам сказал?

— Кира. Вчера вечером. Она пыталась объяснить, почему была уверена, что вы подпишете.

— И что ещё она рассказала?

— Достаточно, чтобы я не задавал вам этот вопрос всерьёз.

В трубке раздаётся голос секретаря. Орлов кому-то отвечает, потом снова обращается ко мне:

— Прочитайте соглашение. Если юрист одобрит, подпишете у меня в офисе после обеда.

— А если не одобрит?

— Исправим.

— Если я вообще откажусь?

— Тогда закончим отель на старых условиях. Я не покупаю людей вместе с проектами, Вера Алексеевна.

Он отключается.

Я ещё несколько секунд держу телефон возле уха.

В прихожей Илья надевает рюкзак.

— Мам, можно спросить?

— Конечно.

Он возвращается на кухню и закрывает дверь в коридор. Смотрит на ключи, потом на меня.

— Папа вчера сказал, что квартира в залоге и её могут забрать.

— Могут, если компания не выплатит кредит. Но всё сложнее, Ася разбирается.

— Он сказал, если я останусь с ним, квартиру потом оформят на меня.

Я медленно кладу телефон на стол.

— Когда сказал?

— До того, как ты пришла. Ещё сказал, если выберу тебя, мы оба уйдём отсюда и ты сама пожалеешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.